Салимгареева А. Р.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХМАО-ЮГРЕ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Salimgareeva A. R.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF CRIMINAL INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE KHMAO-YUGRA: REASONS AND CONDITIONS OF PERFECTION OF CRIME-LEAFING AND THEIR WARNING

В статье рассматривается преступность коренных малочисленных народов Севера, как разновидность преступности, предусматривающая собой социальное, уголовно-правовое, исторически изменчивое явление, складывающееся из совокупности преступлений, совершаемых коренным населением на территории исторического расселения своих предков, обусловленная особенностями национально-территориального менталитета, культурной и этнической самобытностью, а также традиционными видами хозяйствования. Правильное определение и выявление детерминант дает возможность определить наиболее эффективные и значимые варианты ее предупреждения и позволит прогнозировать развитие преступности и степень ее негативного воздействия на общественные отношения рассматриваемой группы.

Ключевые слова: преступность, коренные малочисленные народы Крайнего Севера, этническая преступность, причины и условия преступности, предупреждение преступности, профилактика.

The article examines the crime of the indigenous peoples of the North as a form of crime, which provides for a social, criminal law, historically volatile phenomenon, consisting of a set of crimes committed by the indigenous population in the territory of the historical settlement of their ancestors, due to the peculiarities of national territorial mentality, cultural and ethnic identity, as well as traditional types of management. The correct definition and identification of determinants makes it possible to determine the most effective and significant options for its prevention and will allow predicting the development of crime and the degree of its negative impact on social relations of the group in question.

Keywords: crime, indigenous peoples of the Far North, ethnic crime, causes and conditions of crime, crime prevention, prophylaxis.

52

Уголовно-правовая
доктрина

Преступность коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) – это разновидность преступности, которая представляет собой социальное, уголовно-правовое, исторически изменчивое явление, складывающееся из совокупности преступлений, совершаемых аборигенным населением на территории исторического расселения своих предков, об-

условленная особенностями национально-территориального менталитета, культурной и этнической самобытностью, а также традиционными видами хозяйственной деятельности.

Необходимо отметить, что в последние годы уровень преступности на территории Ханты-Мансийского автономного округа имеет тенденции роста. Безуслов-

но, преступления, совершенные представителями КМНС на территории Российской Федерации (РФ), составляют незначительную часть в общей преступности страны, но выявление и раскрытие таких деяний осложняются ярко выраженными межнациональными особенностями: ритуалами и традициями криминогенного характера, лингвистическим и культурными барьерами, слабой регистрацией этих особенностей в действующем законодательстве и малоизученностью правоприменителями. А ведь территория современной России на сегодняшний день насчитывает более сорока пяти, по своей малочисленности, народов.

Рассматривая в ретроспективе историческое развитие преступности коренных жителей Севера, можно заметить изменение характера преступности. Суть, в том, что на протяжении длительного времени с момента освоения северных и последующего освоения нефтегазовых промыслов в советское время, коренное малочисленное население Севера в той или иной мере было подвержено люстрации, в силу отсутствия необходимого образования, специальных познаний и навыков, закрытого образа жизни в рамках родовых общин. Иными словами, вовлеченность в общественную жизнь представителей рассматриваемой категории лиц было ничтожным. В связи с этим, преступность коренных малочисленных народов Крайнего Севера в основной своей массе носила латентный и исключительно насильственный характер [1, с.241]. И, до некоторого времени количество преступлений, совершенных представителями коренных малочисленных народов Крайнего Севера насчитывалось довольно мало.

Это в первую очередь обуславливалось отдаленностью мест проживания данных народов. Существующие общины коренных народов Крайнего Севера, не подвергались каким-либо видам контроля со стороны государства. Данная группа лиц не всегда имела установленные государством образцы документов. Рождение детей происходило на местах традиционного проживания, и ни каким образом не регистрировалась. Смертность, и причины смертности не были известны государству вследствие того, что чаще всего умершие были похоронены по традициям общины. Сегодня, развитие федеральных и региональных программ по поддержке КМНС дает толчок к переходу от кочевого образа жизни к современному обществу.

Советскому уголовному праву известна практика закрепления норм на соблю-

дение общественно опасных обычаев. Так, УК РСФСР 1922 г. в 1928 г. был дополнен главой 10 «Преступления, составляющие пережитки родового быта» [2]. Позже, уже УК РСФСР 1961 г. содержал главу о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (глава 11) [3]. Указанные главы содержали составы общественно-опасных действий, обусловленных пережитками патриархально-родовых отношений.

Действующий УК РФ 1996 г. не устанавливает прямой запрет на совершение общественно опасных деяний, составляющих пережитки местных обычаев. Однако, следует помнить, что обычаи бывают не только полезными, но и социально опасными по своей природе, в связи с этим, не должно быть обычаев и традиций, которые противоречат закону. Жизненные реалии свидетельствуют о том, что отдельные старинные обычаи имеют признаки преступления [4, с.25].

Так, например, если представитель КМНС начнёт тонуть, ему никто не подаст руку, чтобы спасти, поскольку считается, что «Духи воды» берут его себе в качестве помощника. Но, с точки зрения уголовного законодательства указанные действия будут квалифицироваться, как заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии в случаях, когда виновный имел возможность оказать помощь этому лицу (ст. 125 УК РФ) [5].

Тем самым, ритуалы и традиционные ценности рассматриваемой группы в некоторых случаях по современному законодательству предполагают не что иное, как состав преступления особенной части УК РФ.

По данным Информационного центра УМВД России по ХМАО, в 2016 году на территории автономного округа зарегистрировано 9 008 преступлений, из которых 824 совершено представителями коренных малочисленных народов, что составляет более 9% от числа всех совершенных в округе преступлений; удельный вес коренного населения от общего числа проживающих в округе не превышает 7%, что свидетельствует о снижении у КМНС антикриминального иммунитета. Преобладающей эта тенденция осталась и в 2018 и 2019 г. [6].

Анализируя, картину преступности всей России, можно отметить, что в структуре преступности исследуемых категорий криминогенных лиц преобладают хищения, причем, их средний удельный вес за 2016 – 2019 гг. не особо отличается между районами, а также краевым и об-

щероссийским показателями и составляет порядка 43%.

Так, наибольшее количество преступлений, совершенных КМНС, связаны с кражами (в 2018 году – 68 преступлений, в 2019 году – 56 преступлений, в 1-м полугодии 2019 года – 16 преступлений), незаконным оборотом оружия (в 2018 году – 45 преступлений, в 1-м полугодии 2019 года – 28 преступлений), причинение тяжких телесных повреждений (в 2018 году – 17 преступлений, в 1-м полугодии 2019 года – 8 преступлений). По данным УМВД России по ХМАО – Югре, в отношении коренных жителей за совершение преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования возбуждено: в 2018 году – 39 уголовных дел, из них за незаконную охоту – 6 дел; за незаконную рубку – 18 дел; за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов – 15 дел; в первом полугодии 2019 года – 29 уголовных дел, из них за незаконную охоту – 3 дела; за незаконную рубку – 5 дел; за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов – 21 дело. Доля уголовных дел за совершение коренными жителями преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования от общего количества дел, возбужденных в отношении данной категории граждан, составила в 2018 году – 12,5 %, в 1-м полугодии 2019 года – 20,6 %, что указывает на значительное увеличение данного показателя. Наибольшее количество уголовных дел в области охраны окружающей среды и природопользования, возбужденных в отношении коренных жителей, приходится на ОМВД России по Сургутскому району: в 2018 году – 29 дел (74,4 %), в 2019 году – 23 дела (79,3 %). По указанной причине именно на ОМВД России по Сургутскому району поступает наибольшее количество жалоб коренных жителей на действия (бездействие) правоохранительных органов [6].

Из общих причин преступности можно выделить и такой фактор как безнаказанность за совершение преступления и правонарушения. В отношении представителей КМНС заводятся уголовные дела, связанные с незаконной добычей водных биологических ресурсов. Однако, из года в год значительное число преступлений остается нераскрытым, по причине отсутствия кадрового и материально-технического обеспечения контролирующих водный промысел государственных структур. Также, зачастую при обнаружении незаконно установленных рыбацких снастей, невозможно определить хозяина данных принадлежностей.

По данным Управления Федеральной службы исполнения наказания РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, на период подготовки настоящего специального доклада в следственном изоляторе автономного округа содержалось 7 граждан из числа КМНС, а в исправительных учреждениях автономного округа отбывают наказание в виде лишения свободы 28 граждан из числа КМНС, из них за совершение преступлений против личности – 9 человек; за совершение преступлений против собственности – 14 человек; за совершение других преступлений – 5 человек. По состоянию на указанный период на учете в Уголовно-исполнительной инспекции автономного округа состоят 215 лиц из числа КМНС, в отношении которых судом назначено наказание, не связанное с лишением свободы, из них: за совершение преступлений против личности – 98 человек; за совершение преступлений против собственности – 73 человека; за совершение преступления, связанного с повторным управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, – 24 человека; за совершение других преступлений – 20 человек. Система учреждений и органов, исполняющих наказания РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре отмечает, что наиболее часто к лицам из числа КМНС судами назначается условное осуждение (72 %), обязательные работы (9 %), исправительные работы (9 %), ограничение свободы (7 %), запрет на занятие определенной деятельностью (3 %) [7].

Еще одной из важных детерминант преступности со стороны представителей КМНС является их привлечение к получению образования и к трудовым отношениям, не связанных с традиционными формами осуществления хозяйственной деятельности. Втянутость в данные сферы социальной жизни последовательно влечет миграцию лиц из числа коренных народов в соответствующие муниципальные образования, то есть вне поля прямого запретительного действия родовых обычаев. О действительном наличии данной детерминанты рассматриваемого вида этнической преступности свидетельствует тот факт, что более 70 % от общего числа зарегистрированных преступлений со стороны малочисленных коренных жителей Севера, совершено в городах и поселках, не являющихся местами традиционного проживания.

Другая значимая группа причин преступности рассматриваемого вида - это причины социально-психологического характера, истоки которых лежат в несо-

вершенствах семейного воспитания. Ежегодно на территории округа регистрируются неосторожные преступления, связанные с причинением родителями из числа коренного населения вреда здоровью различной степени тяжести или смерти своим детям [1, с.243]. Предметом пристального внимания при изучении основных детерминант и условий преступности должны быть негативные социальные явления, связанные с ней: алкоголизм, наркотизм, токсикомания, проституция, коррупция и другие явления.

Сегодня детерминанты преступности представителей КМНС требуют особо пристального внимания со стороны науки и правоприменительной деятельности, поскольку правильное исследование причин и условий совершения преступлений указанными лицами даст возможность определения грамотных способов ее профилактики.

По мнению Ю.П. Онкомолова, можно выделить три уровня осуществления деятельности, связанной с профилактикой: 1) общесоциальная профилактика; 2) специально-криминологическая профилактика; 3) индивидуальная профилактика [8, с.87].

Применительно к аборигенному населению Крайнего Севера общесоциальная профилактика в силу обобщенного характера не имеет каких-то специальных особенностей. В отношении указанной группы лиц действуют все имеющиеся меры социальной и материальной поддержки, также не допускается дискриминации по национальному признаку. Имеющиеся недостатки социальной интеграции не связаны с политикой федерального и регионального правительств, а обусловлены особенностями культурного уровня и традиционного уклада жизни.

Специально-криминологический и индивидуальный уровни предупредительной работы в силу особых криминологических характеристик преступности лиц из числа представителей КМНС, их образа жизни, мест проживания, особенностей трудовой занятости и адресной направленности, имеют значимые в криминологическом аспекте предупреждения преступности уникальные черты.

В отличие от общесоциальных, меры специально-криминологической профилактики осуществляются целенаправленно в интересах предупреждения преступности, могут осуществляться в рамках конкретно заданной территории или социальной группы.

Применительно к условиям и местности проживания коренных малочисленных народов Крайнего Севера пути инди-

видуальной профилактики можно находить среди неспециализированных субъектов. Так, на территории округов зарегистрировано и действует более пятидесяти общественных объединений КМНС, которые юридически закреплены в виде ассоциаций, общественных движений, советов, трудовых, промысловых, хозяйствующих субъектов, основанных на этнической принадлежности. С учетом того, что практически все коренные жители Крайнего Севера, осуществляющие традиционные формы хозяйствования, вовлечены в те или иные формы субъектов хозяйственной деятельности возможно применение форм прямого профилактического индивидуального воздействия в виде коллективного или индивидуального шефства, которое имеет ряд преимуществ: во-первых, может осуществляться на постоянной основе; во-вторых, в связи с тем, что осуществляется непосредственно членами общины или предприятия, не будет провоцировать отторжения со стороны «подшефного», как это бывает, когда индивидуально-профилактические мероприятия осуществляются представителями правоохранительных органов [1, с.241].

Кроме того, поскольку немалая часть КМНС проживает в городах и поселках (особенно молодежь, проходящая обучение в средне-специальных и высших учебных заведениях). В качестве мер, направленных на формирование позитивного правосознания в среде молодежи КМНС, необходимо привлекать указанные лица на добровольной основе к общественно-полезной деятельности. Такая форма индивидуальной профилактики в отношении лиц, потенциально склонных к конфликту с законом, может, например, выражаться в участии совместно с сотрудниками полиции в охране общественного порядка, привлечении администрациями муниципальных образований КМНС к организации и проведению массовых праздничных мероприятий - «День оленевода», «День округа» и других. Привлечение молодежи рассматриваемой группы даст свои положительные результаты, не только в отношении роста политического воспитания, но и занятости досуга, что также является важным аспектом.

Следует помнить и о такой, составляющей системы предупреждения преступности, как виктимологическая профилактика, ориентированная на работу с потенциальными и реальными жертвами преступлений. Виктимологическая профилактика предупреждает человека, что он может стать жертвой преступления в силу

собственного поведения. Первостепенное для профилактики виктимного поведения в быту – предупредить разногласие, при котором человек может стать жертвой преступного посягательства. Однако, результаты правоприменительной деятельности субъектов профилактики свидетельствуют, что данное направление предупредительной работы, по-прежнему, остается пробелом в работе по противодействию преступности.

В заключении можно сделать вывод, что преступность КМНС также, как и любая другая группа преступности требует

разработки более новых и эффективных мер профилактического воздействия. Для различных видов преступления, способов их совершения, субъектов преступления характерны определенные признаки, без которых невозможно обеспечение эффективных мер профилактической деятельности. Реальный предупреждающий эффект зависит от усилий всех субъектов профилактики, в том числе и не специализированных, резервами которых может осуществляться специально-криминологическая и индивидуальная профилактика.

Литература

1. Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции (28 февраля - 1 марта 2013 г.). Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. 502 с.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 // URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (по состоянию на 12 декабря 1994 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – №40.
4. Сумачев А.В. Уголовно-правовое регулирование обычаев // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – Тюмень, 2(3). – 2014.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: по состоянию на 04.11.2019] // URL: <http://www.consultant.ru/>
6. URL: <https://86.mvd.ru/>
7. URL: <http://86.fsin.su/>
8. Онкомолов Ю.П. Теоретические аспекты определения понятий, связанных с предупреждением преступности // Миграционное право. – 2011. – № 3.

References

1. Prestupnost' v Zapadnoy Sibiri: aktual'nyye problemy profilaktiki i rassledovaniya prestupleniy: Sbornik statey po itogam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 fevralya - 1 marta 2013 g.). Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, 2013. 502 s.
2. Ugolovnyy kodeks RSFSR 1922 // URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Ugolovnyy kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. (po sostoyaniyu na 12 dekabrya 1994 g.) // Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. – 1960. – №40.
4. Sumachev A.V. Ugolovno-pravovoye regulirovaniye obychayev // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – Tyumen', 2(3). – 2014.
5. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: [federal'nyy zakon: prinyat Gos. Dumoy 24 maya 1996 g.: po sostoyaniyu na 04.11.2019] // URL: <http://www.consultant.ru/>
6. URL: <https://86.mvd.ru/>
7. URL: <http://86.fsin.su/>
8. Onkomolov YU.P. Teoreticheskiye aspekty opredeleniya ponyatiy, svyazannykh s preduprezhdeniyem prestupnosti // Migratsionnoye pravo. – 2011. – № 3.

САЛИМГАРЕЕВА Альбина Рифовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и право», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), филиал в г. Нижневартовске. 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, 9. E-mail: alabina81@mail.ru

SALIMGAREEVA Albina Rifovna, candidate of legal sciences, associate professor of the department "Economics, Management and Law", South Ural State University (National Research University), a branch in Nizhnevartovsk. 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 9. E-mail: alabina81@mail.ru